

ПОЯС БОГОРОДИЦЫ

ВЛАДИМИР ЧУПРИНА

Владимир Чуприна
«Пояс Богородицы»
(повесть)

ISBN-13: 978-1-326-90004-5
УДК: 1751

Издано:
Независимым Издательством

Москва 2024

-Алга! – аравт – командир десяти монгольских всадников – Батачулун звонко выкрикнул в предрассветные сумерки и, обернувшись к воинам-нукерам, махнул сложенной камчой, приказывая следовать за ним. Затем отпустил поводья и приударил пятками в конское подбрюшье. Он едва коснулся крупа, как резвая лошадь пошла иноходью, вливаясь в поток вооруженных всадников, заполнивших улицы Сарая. Орда хана Ахмата широкой рекой текла к глинобитным стенам города и, миновав въездные ворота, словно запруду, разливалась по степи далеко вперед и в стороны.

Орда уходила в набег. Батачулун то и дело вставал на стременах, пытаясь оглядеть войско. Но берегов у разлившейся реки не было. Прикрытая уходящей ночью, она казалась необъятной. Аравт прижался к седлу и осмотрелся: справа и слева, впереди и за спиной – повсюду слышалось ржание коней и рев верблюдов, скрипели колеса. То там, то тут тысячеголосый людской гомон пронзали гортанные выкрики орхонов – высших командиров, в обязанности которых входило устраивать движение огромного войска. Батачулун слушал и сердце его радостно билось. Сила, не поддающаяся счету – тьма – была залогом успешного похода.

- Пусть только эти «уруссы» посмеют не повиноваться. Хан покажет им, чья это земля и кто на ней хозяин, - радовался аравт. Довольный, Батачулун поерзал в седле, и предался своим любимым мыслям, которые бередили его все время, пока он

готовился к походу. Воин предвкушал богатую добычу, с которой вернется в родовое стойбище, но вдруг засомневался; не мало ли неоседланных коней гнал в обозе для этого.

- Впрочем, лишнюю лошадь для поклажи всегда можно забрать у поверженного противника, - успокоился Батачулун и стал представлять, сколько привезет мехов и ткани, пригонит рабов, умеющих шить и ковать, строить, шорничать и скорняжить. На невольничьем рынке их можно выгодно продать.

Давно в стойбище воина не было праздника. Батачулун в крупном набеге участвовал впервые. С последнего похода Ахмата на север минуло восемь лет. Аравт был тогда подростком. Но хорошо помнил, что набег не был удачным. Правда, монголы разорили несколько городов, но главной цели – выхода – дани со всех русских земель так и не собрали. «Уруссы» упорствовали, прятались по лесам и топям, громили отряды баскаков, собиравших дань, и забирали все ценное обратно. Орда вернулась почти ни с чем. И поражением тот поход нельзя было назвать, но и победой никто из воинов его не считал.

Восемь лет длилось унылое затишье. Сил для нового набеге не было, и русские прекратили выплату «выхода» полностью. Орда лишилась главного источника существования. Сарай начал нищать. Требовался свежий приток рабов: ремесленников, мастеров - чтобы содержать и обустроить город. А их не было.

Молодым воинам приходилось особенно трудно. Они довольствовались остатками старой добычи, что перешла по

наследству. И что хуже всего, что унижало достоинство аравта, оскорбляло его гордость – он вынужден был многое делать своими руками: мять шкуры, шить доспехи, затачивать стрелы. Получалось грубо и неумело. Это злило воина. Часто в гневе он разбрасывал по юрте «плоды» своих рук, топтал их или, обнажив меч, рубил шкуры и инструменты, пугая разбежавшихся жен и слуг.

Наконец-то все переменится. Этот трус хан Ахмат, этот бездарный правитель, которого Батачулун винил в своей нищете, вспомнил о воинах и решил восстановить справедливость. Больше «урус» не посмеют лишать ордынцев принадлежавшего им по праву. Час возмездия настал. Аравт крепко сжал рукоять меча, словно противник уже возник перед ним и он – огромный сильный воин – даст сейчас выход своей ярости и заберет все, что пожелает.

Разбив «урусов» в своем воображении, лучник вдруг вспомнил красивую голубоглазую наложницу мурзы Давлета, из стойбища по соседству. Ее взгляд лишь однажды скользнул по сердцу воина, но ранил, как отравленная стрела. Рана не давала покоя по ночам. И в душе Батачулуна зародилась тайная мечта – привезти себе с севера такую же пленницу: с косою до пят, с чарующим синим взором. Аравт ненавидел мурзу с того злопамятного дня, когда влюбился в его рабыню, желал ему смерти в предстоящем походе. Он готов был сам пустить в спину вельможи стрелу, где-нибудь ночью, тайно, смешавшись с толпой всадников и завладеть наложницей.

- Говорят, северянки прекрасно пахнут, – эта мысль воспламенила молодого воина, как костер охалка сухого хвороста. Он представил себя в теплой юрте, ночью, как он заставляет девушку расплести косу, срывает с нее одежду и, наслаждаясь запахом дрожащего тела, силой укладывает на кошму.

Затаив дыхание, Батачулун смотрел горящими глазами в свое счастливое будущее, которое сулил ему долгожданный поход.

Последний монгольский всадник покинул стены Сарая, когда солнечный диск выполз из-за горизонта на багровое небо. Всю ночь город не спал, провожая своих воинов в богатые земли, на «урус». Поднявшись на широкий земляной вал, опоясывавший ханское стойбище, оставшиеся: жены и аксакалы, подростки – долго смотрели вослед мужьям и сыновьям-батырам.

Провожаящие желали родственникам одного – скорой победы и богатого ясака – добычи, на которую уже не одно столетие опиралось благополучие и могущество Сарая.

Орда, вылившись за стены города, отделилась от него и потекла в степь, заполняя собой все пространство до горизонта. Стал виден строгий порядок в войске. Центр шествия – кэль – составляла ханская гвардия, закованная в кожаные и металлические панцыри. Она восседала на лошадях, также покрытых латами. Гвардия выделялась вооружением. Кешиктены – гвардейцы держали над собой целый лес длинных копий, уперев их тупыми концами в стремяна.

На правом и левом крыле орды двигались хорчины – легковооруженные лучники, почти не прикрытые доспехами, имея за спиной каждый по два лука. Их лошади были увешаны колчанами со стрелами.

Замыкали шествие воины черби, чины по хозяйственной части. Они гнали стада верблюдов, овец и неоседланных лошадей.

Между кешиктенами, хорчинами и черби сновали всадники с высоко поднятыми бунчуками – жердями с сигнальными знаками различия из хвостов буйволов. Высшие чины – орхоны, с их помощью контролировали гигантское шествие.

Было видно, что лучники превосходят кешиктенов числом в разы. И в этом заключалась стратегическая логика организации монгольского войска. Хорчины со времен великого Темучина – главная сила для кулумги – победоносной тактики боя, не изменившей ордынцам ни разу.

От мысли о запахе русоволосой наложницы, воображение аравта снова перескочило на картины сражения. Батачулун опять вставал на стремя, озирая армию лучников. Вид десятков тысяч вооруженных нукеров будоражил кровь. Аравт знал, как орда разобьет русских.

Боевое искусство всадников превосходило силу русского пешего строя. Славяне бились стенка на стенку, растянувшись в линию и тесно сомкнув щиты, прикрывая друг-друга, выставив копья. Сломать их боевой, словно из монолита, строй было непросто даже закованной в латы коннице. Но подвижные

монголы давным-давно поняли свое преимущество перед неповоротливой «стенкой». Они ловко пользовались быстротой перемещения на поле боя, разбивая могучую стенку почти без потерь.

Отряды конных лучников сближались с пешей русской ратью на расстояние выстрела и засыпали ее стрелами. Укрытые щитами «урусы» подвергались непрерывному обстрелу, неся потери и не могущие ничего сделать противнику. Едва они устремлялись вперед, чтобы сблизиться врукопашную и переломить ситуацию, хорчины тут же обращались в бегство. Запыхавшиеся, в тяжелом железе, преследователи останавливались, смыкая ряды. Но им не давали отдышаться. Монголы тут же разворачивали коней и возвращались на расстояние пущенной стрелы, и все повторялось.

Когда русский отряд, разгоряченный попытками сблизиться и устроить сечу, отходил далеко от спасительных стен города, на поле боя перед ним появлялись тысячи новых хорчинов, спрятанных доселе где-нибудь в пойменных зарослях или прибрежных лесах. Рать окружали и начиналась кулумга – изматывание и избиение противника. Используя численное превосходство и подвижность, монголы выстраивались в большой круг, словно накидывали на войско противника гигантский аркан из людей и лошадей и разили-разили стрелами уже со всех сторон.

Пытаясь вырваться из живой петли, ратники снова и снова бросались в атаку. Но живой аркан, ловко извиваясь,

перемещался по полю, удерживая безопасную для себя дистанцию.

Монгольские стрелы сыпались, как град из черной тучи, а раненые ратники падали, словно скошенные градинами стебли. И так весь день. Наступала, казалось, спасительная ночь. Но кулумга не прекращалась. Один отряд хорчинов сменялся другим, третьим... Врагу не давали ни минуты отдыха. Измученные напряжением, жаждой и бессонницей, обессиленные от тяжести кольчуг, щитов и оружия, дружинники начинали терять самообладание и боевой дух. Они уже не бросались вперед, а словно затравленный зверь, загнанный в надежную ловушку, обреченно огрызались, сбившись в кучу и выставив во все стороны бесполезные копья и мечи. Тяжело дыша, в измождении, то там, то тут, шатаясь словно пьяные, «уруссы» падали на колена, плохо прикрываясь щитами, и лишь вздрагивали от каждого нового залпа стрел. Слышались стоны раненых, ругань, проклятия и мольбы.

А кулумга продолжалась. Отдохнувшие и свежие, возвращались наутро отряды монголов, первыми начавшие эту кошмарную пытку. Но за ними уже молчаливо стояли, выстроившись в несколько линий, бронированные тяжелые всадники гвардии. Они смеялись, глядя на измотанную русскую рать, что-то весело горланили друг-другу, показывая на растерянную кучу-малу, бывшую еще вчера грозной «стенкой».

Еще немного и... рать дрогнет, побежит напролом через монгольский строй, назад, к спасительным стенам города. Последняя надежда уже поверженного, но все еще живого врага. Этот момент близок. Вот он! Взревели боевые рога тяжелой конницы, лучники перед ней рассеялись, открывая гвардии дорогу к разгромной победе.

- Алга – а! – слышит Батачулун. Он видит, как первая шеренга, за ней вторая, третья и последняя четвертая, сминая разбегающихся в панике «уруссов», летит на крыльях славы и доблести.

Солнце уже окрасило небо над Сараем бледной лазурью начавшегося дня, а шум в степи не стихал. Провожающие заспешили к стойбищам и дальним выпасам – джайляу. Защитный вал ханского дворца и стены укреплений опустели. Предраассветная мгла рассеялась совсем и город наполнился светом. В богатой травами приволжской степи вдоль бесконечной речной излучины из пойменных лугов теснились бесчисленные постройки. В большинстве глиняные, разбросанные по прихоти обитателей, тысячи юрт и врытых в землю мазанок окружали ханскую ставку – Аттука-Таша, украшенную золотым новолунием и находившуюся в центре. Ставку обступали дворцы нойонов и эмиров – высшей ордынской знати. Тоже в большинстве глинобитные. Но мелькали и кирпичные, и деревянные сооружения: мечети и минареты, ремесленные мастерские гончаров, ювелиров и стеклодувов – опытных пленных умельцев.

Солнечные лучи упали на утрамбованные площади базаров, окруженных лавками купцов. С ними соседствовали загоны для караванных верблюдов и лошадей, гонимых сюда со всего белого света: из Сирии и Египта, Ирана и Греции. Как правило, неподалеку от караван-сарая дымилась чайхана. И не одна. Иноплеменного народу проходило через столицу ханства великое множество. Какой только говор не слышался здесь: гоготали черкесы, горланили кыпчаки и гагаузы, трещали венецианцы, зазывая покупателей; лилась, как песня, балканская речь, мягко шипела русская. Город внушал чувство гигантского шумного водоворота жизни, бурлившего и днем, и ночью. Этот водоворот втягивал в себя людские потоки соседних стран на великом пространстве от Индии до Италии, от Ирана до русского Залесья. О, это был удивительный город! Уже в его определении звучал парадокс – город кочевников. Как это? У людей, не сидевших на месте и вдруг город? Да, это гигантское стойбище личной гвардии хана по своим размерам превосходило многие крупные столицы иноземных государств. Но удивительным было то, что «город» не стоял на месте, вращаясь в землю каменными ногами. Он периодически двигался следом за своими стадами. Известно, по крайней мере, о двух его исторических перекочевках, вызывающих споры и путаницу в умах исследователей о том, где же все-таки стоял Сарай. Город-кочевник покинул первое стойбище Батые и ушел к богатым лугам левобережья Ахтубы, оттуда двинулся в ее верховья к нетронутому разнотравью новых

прикаспийских степей. Столица Орды, кочуя, меняла названия: Сарай-Бату, Сарай-Берке, Гюлистан, Сарай-аль-Джадит, Новый Сарай – но это был один и тот же город. Несмотря на свои удивительные размеры город-кочевник перемещался, почти не оставляя после себя следов пребывания на старом месте.

По всей северо – восточной Руси заголосили церкви: от Твери до Нижнего Новгорода, от Пскова до Владимира. Заголосили набатно, пугая, как голоса вдовы, застигнутые врасплох горем. Церкви разносили тяжелыми языками колоколов страшную весть о ползущей на отчужденную землю беде – злоименитый царь Ахмат поиде на православное христианство, на Русь, на святые церкви и великого князя, похваляясь разорить и пленить.

Взволнованные люди спешили к храмам. Растерянно взирали они на пастырей, ища ободрения. В каждом городище, сельце или слободе молились о спасении от кровожадных «бессерменов», испрашивая у Господа укрепления для защиты от супостата.

Всколыхнулась Русь от края до края, словно испуганная дрожь прошла по ее телу.

- С нами Бог, разумеете, языци, и покоряйтесь, яко с нами Бог! – владыко Геронтий, отслужив литургию, вышел на соборную площадь Владимира, осеняя толпу крестом, который держал высоко над головой обеими руками.

Здесь же, напротив Успенского собора, стояла вооруженная дружина владимирского князя, поблескивая зеркалами и

шлемами. Она торопилась в Москву, чтобы соединиться с полками великого князя и вместе сражаться против кочевников.

Едва пастырь повернулся к ратникам, как воины, словно по команде, сняли шлемы и кольчужные бармицы, обнажая головы, и опустились на колена.

- Благословение Господне буде на всех вас, - обратился Геронтий к дружинникам, - вы же мужайтесь, и да крепится сердце ваше, - владыко молился громко, во весь голос, чтобы его слышал собравшийся на площади простой люд. Геронтий окидывал взглядом лица воинов, ища на них страх или растерянность. Но дружинники были суровы и молчаливы.

Они глядели на пастыря отрешенно и задумчиво, словно их души устремились куда-то далеко от родного города, от собора, от стоявшего перед ними высшего церковного иерарха земли русской - московского митрополита Геронтия.

Вслед за суровыми мыслями воинов о возможной скорой смерти, их души летели на небо, ища Создателя, чтобы молить Его принять их по смерти и простить.

Архипастырь начал кропить святою водой обнаженные головы воинов, их оружие и хоругви. Он погружал кропило в серебряную чашу и взмахивал им, а соборный клир громогласно возглашал: «Пособивый Господи кроткому Давиду, победити иноплеменника, верным людем твоим способствуй, и оружием креста низложи враги наша: покажи благоутробие на нас древняя Мати Твоя, и да разумеют воистину, яко ты еси Бог, и на ты

надеющеся побеждаем, молящейся обычно Пречистой Твоей Матери, даровати нам велию милость».

Геронтий заканчивал чин благословения «воем, идущим на брань» и видел, как суровые лица светлеют. Благодать Святаго Духа нисходила на православных ратников.

Митрополит московский прибыл во Владимир два дня тому с особой миссией. Великий князь собирал войска под Коломной со всей Руси, понимая, что битвы с Ахматом не избежать. Русские долго испытывали терпение золотордынцев, не посылая в орду «выхода». А минувшим летом казнили ханское посольство, прибывшее «миром» решить вопрос о долгах и новых налогах. Ганбатыр-мурза, войдя в кремль во главе небольшого отряда биев, вручил князю ханскую басму – восковой оттиск пятки Ахмата, который все вассалы, принимавшие милость правителя вселенной обязаны были принародно целовать, прежде чем приступать к переговорам с ордынским послом.

Кровь вскипела в жилах великого князя московского, глядя на ухмылку Ганбатыра. Иван выхватил из его рук басму, бросил ее под ноги и стал топтать. А стража тут же изрубила ненавистных послов. Чудом уберется от расправы только один. Ему великий князь повелел: «Ступай, объяви хану; что случилось с его басмою и послами, то будет с ним, если он не оставит Русь в покое». Посла выдворили из кремля и отпустили восвояси.

Такою неслыханную дерзость хан Великой Орды не мог снести и оставить безнаказанной. Началась тщательная

подготовка к карательному набегу, для которого созывали всех ордынских воинов междуречья от Волги до Дона.

Узнав о нашествии, Русь пришла в движение. Были посланы гонцы к удельным князьям и боярам, собиралось народное ополчение, укреплялись городища и крепостные стены. Москва готовилась встретить врага. И церковь не стояла в стороне. Под угрозой отлучения она прекращала удельные распри, призывала верующих на борьбу «с окаянными», повсеместно служила молебны ко Пресвятой Богородице, защитнице и покровительнице земли русской.

В эти тревожные дни высший церковный совет решил перевезти в Москву из Владимира икону Божьей Матери, пятьсот лет назад подаренную Киевской Руси византийским патриархом Лукой Хризотомом, ставшую духовным основанием новой русской столицы - города Владимира при князе Андрее. С иконой в сознании народа были связаны многие чудеса, творимые ею на протяжении полутысячелетия.

Геронтий лично возглавил московское посольство во Владимир. И тому была причина.

Решение перевезти икону в первопрестольную не было спонтанным. Накануне архипастырю приснился небывалый, поразивший его, сон. Он увидел Богородицу, которая шла прямо к нему, вся в ослепительном сиянии. Дева спускалась с высокой горы в окружении архангелов небесного воинства.

Впереди, неся огненный меч, выступал архистратиг Михаил. Он держал меч на плече. Его брови были сдвинуты, а взгляд суровым и немигающим.

Геронтий, придя в душевный трепет, пал на колени и приклонил голову к земле. Кто-то невидимый встал над ним и начал показывать десять чудес спасения, совершенных по милости Великой Заступницы.

Первое чудо Всемиловитая совершила еще на пути Андрея Боголюбского из Киевской Руси в Залесье, на реке Вазузе, где князь собирался основать свой стольный град. Проводник, искавший брод, начал тонуть. Князь кинулся к иконе, неистово моля Богородицу. Вдруг тонувший нащупал под ногами твердь и благополучно выбрался на берег.

Другое чудо – спасение беременной жены попа Микулы от взбесившегося коня, произошедшее на Рогожских полях. Конь крушил все вокруг, но стоявшую рядом, замеревшую от испуга, женщину даже не задел, потому что роженица звала на помощь Матерь Божию непрерывно.

Геронтий видел происходившее чудо воочию, и переживал так, будто сам стоял подле беззащитной женщины.

А видения продолжались. Вот архипастырь узрел себя в Успенском соборе Владимира, где сухорукий больной человек слезно молится Владимирской иконе об избавлении от недуга. И вдруг Богородица подошла к недужному, взяла его больную руку в свою и продержала до окончания всенощной. После молебна

мирянин выздоровел. Свидетелями чуда стали находившиеся рядом князь Андрей и поп Нестор.

Не успев пережить это чудесное видение, Геронтий оказался в другом. Он стоял у постели больной княгини владимирской в день Успения Пресвятой Богородицы. Княгиня не могла разродиться. Она приносила мертвых младенцев. И вот опять лежала в страхе и при смерти на окровавленном ложе. И тогда икону Спасительницы омыли святой водой и дали выпить роженице, усердно молящейся к Богоматери. Вдруг княгиня успокоилась, начала приходить в себя и благополучно родила сына Игоря.

Картина снова меняется. Геронтий присутствует при омовении водой от иконы младенца и спасении его от «чародейства в яйцах».

А вот спасение водой некой жены из Мурома.

И повсюду слышится как «людие вопиют моляще» к Матери Иисуса Христа: - Богородице, спаси нас!

Неведомая сила, как на крыльях, переносит Геронтия в Славятин монастырь в Переславле Русском, где ослепшая игуменья Мария не отходит от иконы Пречистой Девы. «Всеблагая Царица Небесная...» - просит монахиня и падает ниц. Ее брат воевода Борис Жидиславич тоже молится за сестру.

Он уговаривает попа Лазаря дать святой воды от иконы. Спешит за драгоценной святыней и привозит ее в Переславль. Мария выпила воды, помазала ею очи и в тот же день прозрела.

Услышав от священника Лазаря о чудодейственной силе воды от Владимирской иконы, некая женщина по имени Евфимия посылает с ним в Успенский собор все свои драгоценности и украшения – рясы и серьги золотые – и просит принести целебной воды. Евфимия выпила ее и победила неизлечимый недуг.

С каждым новым чудом, явленным ему, Геронтий приходил во все больший душевный трепет.

Он снова во Владимире, над Золотыми воротами проездной башни, которые обрушились и погребли двенадцать человек. Архипастырь видит, как князь бежит к иконе Богоматери и умоляет ее спасти людей. Тяжелые ворота сдвинули не сразу, но челядь осталась жива.

Геронтий робко поднял очи, чтобы воззреть на Спасительницу, идущую к нему. Но Богородица прошла мимо, словно не замечая священника. Страх сжал сердце предстоятеля. Митрополит опустил еще ниже, стал целовать следы Пречистой, плакать от чувства греховной вины и каяться.

А Богородица уходила. Не оглядываясь. Только архистратиг Михаил воззрел на Геронтия и еще больше сдвинул брови.

Мелькающие картины чудес остановились. Последнее, что узрел священник – это толпы вооруженных кочевников Темир-Аксака, приходившие на Русь сто лет назад. Всадники в испуге смотрели на Деву Пречистую, окутанную небесным золотым сиянием и движущуюся прямо на них. Дева сняла свой пояс и держала его в руке, чуть отстраненной назад. Пояс развевался,

оставляя за собой легкий золотистый шлейф. Эта полоса небесного света ширилась и расплзалась, как туман в ранний утренний час, окутывая русское Залесье, куда кровожадные всадники уже не смели ступить. Они разворачивали коней и в ужасе бежали.

Вдруг Богородица обернулась и глянула на Геронтия с укором. Сердце пастыря остановилось. Он хотел что-то молвить, протянул дрожащую руку и...проснулся весь в слезах и страхе.

Архипастырь долго сидел, не в силах подняться. Его знобило, как от холода. Он дрожал всем телом, заново переживая виденное во сне, и не мог прийти в себя. Наконец встал, облачился и поспешил к великому князю. Митрополит поведал государю о необычном сновидении. Оба восприняли сон, как вещий и поняли, что беда идет на отчужденную землю за «многие прегрешения». И только покаяние поможет спасти православный мир, великого князя и церкви христианские.

Тогда и было решено перевезти чудотворную икону Божьей Матери для всенародного моления к Заступнице о прощении, для святого омовения ее образа и благословения воинства, которому предстояло жестокое сражение.

Митрополит вернулся в храм. Обступившие его клир и причастники – служители церкви, под молебное пение внесли украшенные покровцами посеребренные носилки. Икону Богородицы сняли с киота и установили на ложе носилок.

Несколько молодых иереев разом подняли носилки на плечи, и процессия тронулась наружу.

Толпа народа, сгрудившаяся около дверей собора, толкаясь, расступалась и падала на колени. Люди клали земные поклоны, слышались плач и стенания:

- Избави нас от бед, Богородице Чистая!
- Не презри грешных молений!
- Владычице, помози!

Словно шелест ветра, звучали тихие молитвенные прошения. Христиане протягивали руки к чудотворному образу и крестились.

Икону несли на руках до самой Москвы. Шествие длилось десять дней. И на всем пути образ Спасительницы встречали взволнованные толпы народа. Каждое городище высыпало на дорогу всем миром, от мала до велика, чтобы поклониться Заступнице. Люди стояли живым коридором, склонив спины до земли. Они молились, следовали за крестным ходом и отчаянно просили:

- Пресвятая Богородице, спаси нас!

Сквозь слезы глядели христиане на удаляющуюся икону, которая плыла над землей русской тихо, словно прислушиваясь к тому, что происходит за спиной. Ее провожали вздохи надежды.

* * *

Полчища Ахмата двигались вдоль Оки, высматривая место для переправы, которая откроет им путь в Московию. Земли левобережья принадлежали князю литовскому Казимиру, союзнику ордынцев. Поэтому кочевники шли не спеша, сытно подкармливая лошадей, и не скрывались от врага. Наоборот, они часто выезжали на береговой откос и смело разглядывали русских, притаившихся в зарослях напротив. Ордынцы что-то орали «урусам», насмехаясь над ними, грозили, размахивая в воздухе обнаженными мечами. А нередко пускали в их сторону стрелы, чтобы внушить противнику страх. Но стрелы не достигали противоположного берега, водная гладь была широкой. И тогда монголы, веселясь, начинали соревноваться между собой в дальности стрельбы, пытаясь достать москвитян, демонстрируя друг-другу силу и ловкость.

Батачулун со своим отрядом был в этих вылазках впереди всех. Сердце молодого аравта ликовало. На берегу ему выпадал шанс отличиться, показать мастерство стрельбы и занять достойное место в глазах других нукеров. Хорчину хотелось, чтобы о нем заговорили.

И его заметили. Темник Наранбатыр приказал смелому воину отыскать брод. Несколько дней отряд Батачулуна рыскал в речных зарослях, ища пологое место, где бы лошади могли спуститься к воде. Но берега Оки повсюду зияли отвесными обрывами, надежно прикрывая русское порубежье.

Батачулун злился. Он гнал воинов вперед, почти не давая им отдыха. Аравт жаждал быстрее отыскать место для переправы и получить благосклонность темника. А еще он мечтал первым подняться на русский берег, чтобы темник приблизил его к себе, и рассказал о смелости лучника великому хану.

Кому, как ни ему – Батачулуну – совершать воинские подвиги. Он лучший среди племени тангутов. Его стрелы летят дальше и чаще попадают в цель. Он большой и сильный. Не зря его называли Батачулун – богатырский камень. Камни крошат стены крепостей, увлекая мощью своего удара тысячи тангутов, ойратов, ханхасы – всю легкую кавалерию на штурм. Он, - лучший аравт, увлечет хорчинов на вражеский берег, круша своей тяжелой рукой головы неприятеля. И тогда хан обязательно сделает его кешиктеном. Батачулун-кешик – воин гордился новым именем.

Наконец вечером четвертого дня поисков к аравту прискакал один из его нукеров, плутавших вдоль окского притока.

- Агай! – склонился лучник, приложив правую руку к груди, - там, - он ткнул камчой в сторону реки, - есть большой пологий берег! - воин выпрямился и радостно заулыбнулся.

Батачулун вскочил в седло и затрубил в рог, созывая нукеров, рассеявшихся в пожелтевших зарослях стариц и затонов.

Отмель была широкой и почти безлесой. Ее образовывал приток Оки. Огибая сопку, словно обвивая ее гигантским поясом, река стремилась в пойму, слизывая и ровняя подножие холма. За

поворотом приток ширился и стихал. В его неглубокую воду можно было войти сразу сотням всадников.

Батачулун развернул коня на месте. Он резво поскакал к темнику, крикнув воинам наблюдать за вражеским берегом.

Утром все ордынское войско показалось на вершине холма, опоясанного речкой Угрой. Всадники долго разглядывали просторы открывшейся равнины, оценивая долгожданную переправу.

На холме началось столпотворение. Орда пришла в движение. К подножию с вершины потекли толпы всадников легкой кавалерии, галдя и подстегивая коней. Гвардия осталась на высоте. Кешиктены спешили и разбивали лагерь.

Кочевники заполнили весь отлогий берег Угры. Они толкались и галдели, беспрестанно разворачивая коней, переезжали с места на место. Крики и рев боевых рогов и труб, бой сигнального барабана поднимали в небо стаи испуганных обитателей поймы. Со стороны казалось, что на отмели столпились тысячи сбитых с толку всадников, одновременно спустившихся к водопою и ссорившихся из-за тесноты.

Но это было не так. Шум и движение скоро стихли, и стало видно, как ордынцы выстроились в строгий боевой порядок; в четыре шеренги, одна за другой. Воины первой спрыгивали с седел и накручивали на руки поводья. Задние оставались верхом.

Ожил и противоположный берег. Там и тут из кустов высыпали москвитяне. «Урусы» по двое тащили на плечах какие-

то толстые копья, больше похожие на жерди или короткие бревна, чем на дротики и торопливо укладывали их на деревянные колоды, валявшиеся вдоль кромки воды. Затем прятались в небольших засеках, сооруженных тут же и за плетеными из ивняка коробами, набитыми землей.

Батачулун смотрел, как нервно копошится, явно напуганный числом кочевников, небольшой русский отряд и торжествовал, предвкушая победу.

Он стоял в первой шеренге и ждал сигнала. Ордынцы решили переправиться с ходу, не давая врагу опомниться и собраться с силами для отпора. Это аравт понял по спешному построению «тьмы» на отмели. Лучники отвязывали кожаные мешки-бурдюки, снимали и складывали в них одежду, приторачивали бурдюки к седлам и конским хвостам.

Приготовления закончились быстро. Хорчины изготовились плыть, уцепившись за своих лошадей. Они шагнули в воду, обжигаемые холодом, но полные решимости опрокинуть сторожевой отряд русских и захватить берег. Батачулун не чувствовал, как его кожа покрылась мелкими крапинами и дрожала. Сердце лучника трепетало. Если он – богатырский камень – принесет голову вражеского воеводы, то уж точно быть ему кешиктеном. Хан Ахмат непременно зачислит такого смельчака в гвардию, где простой воин выше любого сотника-джагуна из кавалерии хорчинов. Нужно только первым взойти на русский берег.

Батачулун впился глазами в «урусов», внимательно высматривая, где колышутся хоругви, чтобы безошибочно ринуться на воеводу. Знамени не было. Аравт раздосадовался, неужели удача изменяет ему.

В этот момент в прибрежных зарослях появились сотни три конных дружинников, покрытых кольчугами. Они тоже растягивались в шеренгу. В центре над полком покачивалась червленая хоругвь с изображением русского бога.

- Алга – а – а! – прорезал воздух боевой клич монголов.

Аравт бросился в воду, увлекая за собой воинов первой линии. Понуждая лошадей плыть, кочевники цеплялись за седла и хвосты, и гребли свободной рукой, стараясь быстрее достичь неприятельского берега.

А воины второй линии въехали в реку так, чтобы вода поднималась не выше конского брюха и, завалившись на спины лошадей, натянули луки. Раздался пронзительный свист, и сотни стрел одновременно полетели через водную гладь, неся русским смерть, как справедливое возмездие за непокорность.

Смерть всегда рядом с человеком. Она не отходит от него ни на шаг. Только до поры прячется за спиной, стараясь быть невидимой и так обмануть его.

Монгольские стрелы летели и летели, прикрывая смертоносной завесой собратьев по оружию, тех, кто вплавь подбирался к русскому берегу.

Батачулун видел, что конники врага разворачиваются и спешат уйти из-под обстрела. Русский берег пустел.

- Бегут! Уже? – эта шальная мысль позабавила аравта. Он греб рывками к тому месту, где мелькала хоругвь, и не оглядывался. Батачулун чувствовал, что плывет, оставив далеко позади воинов первой линии. И знал, что темник видит его.

Конь лучника уже нащупал дно и пытался встать на ноги, проваливаясь в ил. Еще немного... Батачулун представлял, как сейчас выскочит на сушу, прыгнет в седло и, обернувшись к реке, поднимется во весь рост на стременах, и громогласно прорычит, так, чтобы услышала и всколыхнулась вся орда, а враги содрогнулись от ужаса.

- Алга – а – а – а!

Вторая линия прекратила обстрел, чтобы не ранить своих. На берегу вновь появились русские. Их было гораздо больше, чем вначале. Они засуетились вокруг «толстых копий» и «бревен». И вдруг «копья» загрохотали, как гром, изрыгая из себя дым и огонь в сторону плывущих монголов. Потом опять. И снова. Руку, левый бок аравта и бедро пронзила жгучая боль, ослепляя своим внезапным нападением. В глазах потемнело, и на секунду Батачулун потерял сознание. Он почувствовал, что тонет и захлебывается. Страх смерти заставил воина выпрыгнуть изо всех сил из воды на поверхность. Но получилось только запрокинуть голову, чтобы схватить воздух. Раны обессилили его вмиг и

привели в состояние животного ужаса перед лицом неминуемой гибели.

Нет! Нет!! Аравт не хотел умирать! Он уходил в набег совсем ни за этим!

В его перепуганном самосознании, как костер в ночи, в который бросили охапку сучьев, вспыхнула и стала быстро угасать неосуществимая мечта: он увидел себя в теплой юрте, рядом плачущую русоволосую рабыню с синими глазами. Батачулун протянул руки, чтобы сорвать с нее одежды и силой.... Мечта погасла, поглощенная бездной тьмы, в которую проваливался воин, мучимый нестерпимой болью.

- Нет! Нет!! – твердил себе в угасающем сознании аравт и все реже, и реже всплывал на поверхность.

А ужасные «толстые копья» продолжали выбрасывать смертоносный огонь и дым. В реке, окрасившейся кровью, кричали, корчились, звали на помощь и тонули смельчаки первой линии. Испуганный конь Батачулуна рванулся в сторону, вдоль берега, выдернув на поверхность своего исчезнувшего хозяина. Спасительный глоток воздуха на миг вернул лучнику сознание. Он с трудом осмотрелся. В реке, вздымая клочья воды и брызги, плясала смерть, грохоча, чавкая, оглушительно резко насвистывая мелодию дыма и огня. Мимо аравта проплыл труп без головы. Он узнал воина своего десятка. Темная пелена снова заволочла взор; в рот и ноздри полезла вода, разрывая легкие, горло сдавило.

Последнее, что увидел Батачулун — это шея и голова коня, который развернулся и поплыл обратно, ища спасения.

На отмели лучники второй и третьей линии стремительно въехали в реку и начали обстреливать русских с новой силой, пуская стрелы непрерывно. Тогда гром и огонь были перенесены на них. Полетели ядра, дроб и камни, что выплевывали из своего нутра невиданные орудия. Заряды не долетали до хорчинов на берегу, но обстрел возымел успех: зазвучал сигнал к отступлению, ордынцы отошли.

Стрельба стихла. Конь Батачулуна выволок его на берег и остановился, свесив голову, отяжелевшую от мокрой гривы. Он стоял, не шелохнувшись, а с его длинной шерсти стекала вода. Капли падали на окровавленные раны лучника, лежавшего без сознания у ног уставшей лошади. Нукеры подбежали к товарищу и осмотрели его. Тело аравта повернули. Батачулун застонал от боли и пришел в себя. Он начал неистово рыгать водой и кашлять. Воина уложили на кошму и осторожно понесли.

На русский берег снова выехали дружинники. Аравт бросил взгляд на хоругвь и его глаза затуманили слезы отчаяния. Злоба и ненависть на миг заглушили боль. Батачулун отвернул голову.

* * *

Москва провожала на окское порубежье новые полки. Следом за Иваном Молодым, сыном великого князя, на Угру поспешили Андрей Большой и Борис Волоцкий, распри которых с великим князем силой божьего слова прекратил Геронтий. Шли по дорогам на юго-запад князь Симеон Рязанский с суздальцами, Василий Сабуров с ростовцами и угличанами, Оболенские с калужанами и звенигородцами, боярин Федор Давидович с коломенцами. На подходе к Угре к ним присоединились полки тверские, предводимые Михаилом Микулинским. Не осталось ни одного местечка, которое не прислало бы ратников: кашинцы и новоторжцы, бежецкие и радонежские, вологодские вливались в московскую рать, как родники и притоки, питая великую реку народного гнева против поработителей. Русь провожала своих сынов, творя повсюду церковные молебствия, а монастыри и богодельни раздавали милостыню.

Митрополит Геронтий в Успенском соборе ежедневно служил перед чудотворным ликом Владимирской иконы Божьей Матери. Архипастырь спрашивал для дружинников укрепления в предстоящем сражении и победы. Ни один русский витязь не ушел на Угру не благословленным, не принесшим покаяния или без причастия.

Вместе с воинами на сечу шли полковые священники, неся хоругви с образом Спаса. Над дружинами не смолкало молебное обращение к Заступнице воинства христианского: «Предстательство страшное и непостыдное, не презри, Благая, молитв наших, всепетая Богородица, утверди православных жительство, спаси люди твоя и подаждь им с небес победу...».

Казалось, что в эти тревожные осенние дни вся земля русская стенает к святому образу Матери в едином молитвенном порыве. Так и было. Не осталось ни одного города, ни одной деревни, где из смущенного сердца не вырвалось к небу: «Богородице, спаси нас... Ты бо еси крепость и утверждение людем твоим...»

Митрополит Геронтий потерял сон. Он устал. Архипастырь лежал с открытыми глазами, ворочался с боку на бок и не мог уснуть, чтобы освежить силы. Мысли в голове теснились, словно боролись друг с другом. Его сердце страдало: что-то там сейчас происходит, на берегах Угры? Архиерей пытался представить. От волнения картина была смутной и непонятной. Но тревожной.

Геронтий сел, долго растирал лоб и щеки, оглаживал бороду, ворочал шейю. Потом глубоко вздохнул и перекрестился три раза. Встал и кликнул монаха-помощника, спавшего в притворе неподалеку:

- Облачаться!

Митрополит вышел во двор кремля. Холодная октябрьская ночь встретила полусонного священника ледяным объятием. Он поежился и заспешил в недавно отстроенный Успенский собор.

В храме было тихо и пусто. Над аналоем горело паникадило, тускло освещая святые лики и раку с мощами святителя Петра. Подле Владимирской иконы тлела лампада и мерцали, оплывая, толстые свечи.

Священник взял в руки молитвослов, тисненый золотом, и опустил перед образом Богоматери на колени. Он захотел еще раз прочесть молебный канон ко Пресвятой Богородице, «поемый во всякой скорби душевной и обстоянии».

'Владыко уже произнес тропарь, псалом и первую песнь. И вдруг поймал себя на том, что открывает смысл молитв только теперь, мучимый переживаниями, в страхе за паству. Митрополиту показалось, что он правильно произносит канон впервые в жизни. Здесь, в тиши ночи, в одиночестве, каждое слово открывало ему заново великий и вечный смысл, сокрытый в молитве для души грешной, пока та не научится смирению. Слезы покаяния подступили к сердцу. Не скрывая волнения, дрожащим голосом архиерей просил за всех православных христиан земли русской, за их скорбящие души, за растерянные перед лицом беды верные Господу сердца:

- Предстательство христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное, не презри грешных молений гласы, но предвари, яко Благая, на помощь нас, верно зовущих Ти... - голос

священника задрожал и оборвался. Геронтий смолк, его взор заволокла слеза.

Вдруг сквозь слезу он узрел чудо, потрясающее его сильнее, чем вновьобретенная молитва канона, чудо, заставившее разрыдаться от радости – на раке святителя Петра сама собой воспламенилась свеча. Она погорела и тихо погасла.

Геронтий рыдал и не мог остановиться. А его сердце ликовало. Оно зрело чудо и понимало его смысл – Богородица слышит!

Архипастырь простоял на коленях до утра.

* * *

Кочевники упорствовали с присущей им яростью и смелостью. Восемь дней подряд они штурмовали переправу на Угре, пытаясь одолеть преграду из копий, стрел, дыма и огня на мелководной излуине. И лишь на девятой попытки прекратились. Орда ушла с отмели и прибрежного холма, и укрепились в городище Кременец верстах в двух от берега. Наступило затишье. Кочевники не предпринимали больше никаких действий

Все эти дни Батачулун провалялся в обозе. Он болел. Его мучили раны. Предплечие оказались раздробленным и пальцы руки не слушались. Воин не чувствовал их, словно они были деревянные. При малейшей

попытке повернуться воспламенялся разодранный до костей бок.

А на опухшую ногу невозможно было ступить. Аравт едва передвигался, хватаясь уцелевшей рукой за палку, изо всех сил подпирая искалеченную ногу.

По ночам становилось все холодней. Дул студеный северный ветер, принося снег и ледяной дождь.

Батачулн лежал в промерзающей кибитке, в одиночестве, завернувшись для тепла в овечьи шкуры, укрывшись ими с головой, и проклинал тот день, когда собрался в набег. Он злился на хана Ахмата, на темника Аранбатыра, клял их за бездарность в военном деле.

Аравт уже не хотел обещанного богатства, ни рабов, ни синеглазой наложницы. Все его мысли летели в родовое стойбище, куда так хотелось вернуться живым. Удастся ли? Сомнение угрожало воину сейчас больше, чем любой соперник в бою и заставляло душу страдать.

Каждый день обоз полнился ранеными и покалеченными хорчинами, а вождельной победы над «урусами» все не было. Победоносная армия монголов не привыкла к большим потерям и бездействию. Кочевники ходили на москвитян не умирать, а набирать большой добычи для сытой жизни. Они мечтали вернуться и праздновать, похваляясь перед сородичами трофеями и доблестью. Но очередной великий поход не сулил им пока ничего.

- Трусливый и глупый, как овца! – негодовал аравт, обрушиваясь в мыслях на хана. Он сожалел, что не откочевал прошлым летом в Приаралье, к нойону Берке, который благоволил родственному племени тангутов и ценил воинов за их смелость не так, как Ахмат. У Берке богатые пастбища, там можно расплодить скот, сокрушался хорчин. Если бы ни сотник-джагун Чаган. Это он уговорил Батачулуна остаться, назначив аравтом. Это он обещал рабов и дорогие украшения.

- Мы не какие-нибудь дикие таммачи из южно-сибирских племен, - уговаривал джагун, - мы из славного племени тангут. Кому как ни нам быть после похода в славе и богатстве?

Мысли аравта прыгали от отчаяния. Этот лживый джагун... эта синеглазая наложница его мурзы...если бы она не посмотрела так!...

Вскоре причина бездействия хана стала понятна всем воинам. Ахмат решил дождаться ледостава, чтобы перейти реку без потерь и обрушиться на «урусов» всей мощью своего огромного войска. На открытом пространстве москвитянам уж точно не избежать живой петли из людей и лошадей, которая захлестнет их, как волосяной аркан шею строптивного скакуна, и измотает для сокрушительного удара кешиктенов. Не было еще силы, способной противостоять кулумге.

В начале ноября водная гладь Угры покрылась льдом. У кромки замерзшей

воды вновь замелькали монгольские разъезды, проверяя его крепость. С противоположного берега в хорчинов пускали стрелы и кидали копьа, грозившие им москвитяне. А порой отгоняли «поганных» выстрелами из единорогов и пищалей. Монголы не оставались в долгу. Выкрикивая оскорбления, они обещали «урусам» скорую расправу. Перебранки и перепалки вспыхивали все чаще то в одном месте, то в другом.

Морозы крепчали, и вылазки ордынцев участились. Напряжение росло. Стало ясно, что крупного сражения не избежать.

Прошел месяц с первой, неудачной попытки кочевников переправиться на русский берег, когда Батачулуна тяжело ранило. Он все еще находился в обозе, хотя раны затянулись. Аравт передвигался уже без палки, но хромота осталась. Однако больше всего воина беспокоила пострадавшая рука: пальцы скрючило, и лучник по-прежнему не чувствовал их. Он мял кисть, пытаясь растереть и согнуть ее, но пальцы не сжимались в кулак. Больная рука висела, цепляясь за раненый бок, и стала заметно тоньше здоровой.

Батачулун выбрался из кибитки и приказал пригнать и седлать своего коня. Богатырский камень долго стоял возле лошади, поглаживая ее морду, о чем-то разговаривал, словно упрасывая, и лишь после этого попытался взобраться в седло. Но не смог. Хромая нога не сгибалась так, чтобы поставить ее в стремя. Воин повторял попытку с упорством снова и снова, пока

лошадь, перебирая копытами, не стала пугливо шарахаться в сторону от незадачливого всадника. Батачулун обнял ее за шею, прильнул головой и стал успокаивать животное. Его плечи вздрагивали. Пришлось забираться в седло с посторонней помощью. Аравт выполнял последний боевой приказ хана – всем раненым, кто может держаться в седле, вместе с войском выдвинуться к реке. Замысел хана был прост. Он хотел устрашить противника многочисленностью орды. Излюбленный прием кочевников со времен Батыя.

Батачулун погладил шею коня и тронул поводья. Лошадь, еще помнившая привычки хозяина, с места пошла иноходью. Ветер запел в ушах аравта. Он обрадовался его сладкой мелодии. Это была песня родных степей, которую воин не слышал целый месяц. Он закрыл глаза и представил запахи ковыля и такыра, клетот беркута и шум его крыльев. Беркут с силой оттолкнулся от его руки, теперь безжизненной, и взмыл в бескрайнее небо над головой. А он, Батачулун, счастливый беркутчи – охотник, скачет следом за птицей, высматривающей лисицу. Новый порыв ветра принес из памяти запах свежего вареного мяса и горячей шурпы. Батачулун летит к родному стойбищу, где готовится бешбармак, летит во весь опор, удивляя своей прытью девушек-тангуток. Вот он лихо соскочил с коня и припал жадными губами к пиале с пьянящим кумысом, что белеет в руках молодой красавицы. Ветер поет и поет сладкую песню воспоминаний.

- А – а – а – а – яй – яй – яй – а – ай! – длинно и протяжно запел воин во весь голос, подражая шуму ветра, клекоту беркута, шелесту ковыля. Запел от радостных воспоминаний, принесенных ветром забытых ощущений полноты жизни и свободы.

Кто-то из нукеров окликнул его, прервав сладостное забытие. Аравт открыл глаза и видение пропало. Впереди замаячил неприветливый холодный берег, где толпились и галдели тысячи всадников. Батачулун здоровой рукой натянул поводья и лошадь перешла на шаг. Опустив голову, она побрела, на ходу хватая из-под ног чахлые стебли объединенной осенней травы.

* * *

Великий князь приготовился дать монголам сражение. Ночью русские полки скрытно отошли к Боровску, к выбранному заранее месту и строились в боевой порядок.

На Угре остался только сторожевой отряд боярина Давидовича, чтобы следить за передвижением ордынцев и высылать к великому князю вестовых.

Холодным сырým утром начала ноября полчища кочевников подошли к застывшей речке, намереваясь преодолеть ее сразу в четырех местах. Русские конники, стоявшие в схроне, во весь опор понеслись к воеводе. Федор Давидович тут же отправил посланников к великому князю.

Орда, скрытая туманной пеленой, разлившейся по всей речной долине, ждала сигнала к наступлению.

Ждали и русские. Рать у Боровска изготовилась, замерла и смолкла, словно задумавшись о чем-то. Незримо, в мыслях, взволнованные воины начинали биться с врагом. Они сходились, сдавливая пространство, разделявшее их, до той критической точки, где сближение взрывалось кровавым кипением страстей. Сходились обреченно, больше не властвуя над собственными жизнями. Обреченность порождала в живых душах леденящий страх смерти. Люди заглядывали в черный колодец вечности, куда им предстояло упасть, и в ужасе отшатывались. Но чтобы победить врага, нужно одолеть страх смерти. Где взять силы для победы над смертью? Православные воины знали где: у распятого Господа, принесшего себя в жертву, и воскресшего, и даровавшего «людием своим» бессмертие души.

Полковые священники в последний раз обходили воинство, кропя святой водой, и крестили ратников иконой с ликом Богородицы.

Утро светлело. Над Угрой за клубилась, рассеиваясь, серая дымка. С восходом солнца она заискрилась от его лучей. Подул морозный ветер и погнал золотистую мглу тумана вдоль речной излучины, опоясывая пологий берег, на котором стояли ордынские полчища.

Ратники сторожевого отряда слышали на вражеском берегу, скрытом за искрящейся редющей завесой тумана,

шумные выкрики, топот и ржание коней. Орда тронулась. Русичи стали разворачивать лошадей, чтобы уйти с берега и присоединиться к полкам у Боровска.

- Глядите! – крикнул кто-то из воинов.

Дружинники обернулись. Золотистый туман, гонимый ветром, почти рассеялся и открыл отмель. Но ордынцев на ней не было.

Обеспокоенный Федор Давидович разослал по берегу конные разъезды с приказом отыскать неприятеля. Он хотел понять, какую хитрость придумали кочевники и предупредить великого князя. Но соглядатаи вернулись ни с чем.

Тогда коломенские сторожа спустились к реке и, осторожно ступая на первый лед, перешли на вражеский берег. Они поднялись на холм, где повсюду еще дымились остатки костров и свежий конский навоз, но никого не нашли за бугром. Кочевники словно растворились.

К поискам подключился весь сторожевой отряд, разбившись на ватаги, предводимые старшими дружинниками. Только к полудню воевода получил известие о том, что орда уходит на юг.

Берега Угры стихли и опустели. Морозный день распогодился, солнце стало выглядывать из-за туч. Чувствуя на душе благодать, от неожиданного избавления от смерти ратники не скрывали радости. Они крестились и, взирая на небо, повторяли: «Снами Бог...».

Вдруг воины, смотревшие в небо, ахнули от удивления; им показалось, что в разрыве облаков мелькнул ярким светом и погас лик Богородицы. Ратники закричали, толкая друг-друга и показывая на облака. Но видение растворилось. Только золотистое свечение пробивалось через толщу низко плывущих туч. А русские все стояли, запрокинув головы, обратив свои взоры к небесам.

Владимир Чуприна
«Пояс Богородицы»
(повесть)

Контакты Автора:

Email: vova.chuprina.54@mail.ru

Все права на произведения принадлежат
исключительно их автору.

Составитель-редактор:

Независимое Издательство «Первая Книга»

Перваякнига.рф

НЕЗАВИСИМОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕРВАЯ
КНИГА

9 781326 900045